

ших дело с принятием на государственную службу иноземцев и иноверцев. Правда, не подлежит сомнению, что с развитием централизованного управления внутренними делами государств все правительства старались все более и более регламентировать, унифицировать и совершенствовать фиксацию в документах антропонимов и топонимов во всевозможных ситуациях. Эта работа отнюдь еще не закончена: разные государства стоят еще в этом отношении на неодинаковых уровнях и исходят при этом из разных принципов. Так, если Россия с конца XIX в. перешла от адаптации иноязычных имен к их условной транскрипции, а в СССР проводится большая работа по усовершенствованию транскрипции с целью достижения более точной передачи звучания нерусских имен и фамилий (например, Уилсон вместо старого Вильсон, Ханноман вместо Гейнеман и т. п.),⁴⁰ то во Франции 3 августа 1950 г. был принят закон, предоставляющий иностранцам, принимаемым во французское гражданство, право офранцузивать свои имена и фамилии на основе разобранных в данной статье принципов, которые действовали в сфере обычного права дореволюционной России.⁴¹ Примеры их применения как в Канаде, так и в других странах можно найти в цитированной уже монографии В. А. Никонова.⁴²

Все это позволяет сделать вывод, что сохранение созвучия и семантики, а также идентификации национальных вариантов при смене и адаптации имен, когда их носители переходят из одной общности в другую, не изобретаются в государственных органах управления, а возникают и существуют объективно вне их и только используются ими. Поэтому за этими принципами должен быть признан характер антропонимических универсалий, а причины и способ их применения в каждом отдельном случае могут быть вскрыты лишь с учетом достижений лингвистики, истории, психологии и учения о государстве и праве, на стыке которых и находится вспомогательная историческая дисциплина ономастика.

И. Г. ПОРФИРИДОВ

ТАЙНОПИСЬ В ЭПИГРАФИКЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА

Случаи употребления тайнописи, редчайшие в древнерусской эпиграфике, обнаружены в надписях на нескольких каменных крестах. В числе дошедших до нас исторических и художествен-

⁴⁰ Старостин Б. А. Транскрипция собственных имен. М., 1965; Глязневский Р. С. и Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте. М., 1969.

⁴¹ Code civil. Ed. «Dallogz». Paris, 1958, Loi de 3-^e aug. 1950, art. 57, p. 58.

⁴² Ионов В. А. Имя и общество, с. 24—25.

ных памятников древней Руси большую долю составляют кресты разных категорий — от мелких, личного употребления, так называемых тельников и энколпиев, до крупных, ставившихся в общественных местах. Кодификаторы последней категории делят ее на поклонные, памятные, закладные и пр. — деление в значительной мере условное: любой крест может называться и поклонным, и памятным, так как они сооружались по поводу и в память какого-либо события общественной или частной жизни и назначались для поклонения, в значительная часть их дошла до нашего времени в виде заложенных, вставленных в стены зданий.

Многие из крестов этой категории, каменные и деревянные, знамениты как произведения искусства по их изобразительной стороне, другие — как исторические памятники по содержащимся на них надписям. Среди последних достаточно вспомнить хотя бы Стерженский крест с надписью о гидротехнических работах новгородского посадника Иванка Павловича в верховьях Волги в 1133 г.

Новгородская земля богата памятниками того и другого рода, иногда содержащими только эпиграфические тексты (Стерженский, Воимерицкий, Аркажский, Борисоглебский, Пикитинский и др.), иногда надписи в соединении с изображениями (каменные — Алексеевский, Мологковский, Филипповский, Варлаамиевский, деревянные — Людогощинский, так называемый «Чудный», Спасский и др.).

Настоящая статья посвящена двум из таких, замечательным еще и потому, что в своих надписях они содержат редчайшие для вещевой эпиграфики элементы тайнописи.

Мологковский крест. Это название (под которым он известен в литературе) крест получил от того обстоятельства, что в течение более полутора столетия последних лет находился вставленным снаружи в западную стену церкви Рождества Богородицы в Новгороде, в районе, носящем название Мологково. В эту церковь, входившую ранее в существовавший здесь Михалицкий монастырь, крест был перенесен в начале XIX в., около 1810 г., из упраздненной и разобранной в то время церкви Перукотворного Спаса на так называемом Красном поле под Новгородом, построенной в 1378 г., — дата, служившая некоторое время причиной неверной датировки самого креста.

Крест каменный, восьмиконечной формы, 133 см по высоте и 104 см по ширине, вытесан в виде широких прямых перекладин, нижний конец креста расширяется треугольником, центральное перекрестье имеет окружение из узкого ободка.

Изобразительные элементы, которыми украшен крест, не отличаются особым богатством и разнообразием. По вертикальному брусу на уровне верхнего перекрестья в прямоугольном углублении помещено изображение Перукотворного Спаса, ниже его по тому же вертикальному брусу изображение Голгофского

креста на ступенчатом подножии, с так называемыми орудиями страсти, т. е. копьем и тростью (ветвистом) по сторонам, под ним адамова глава.

То и другое изображения в разных сочетаниях обычны для русских каменных крестов XV—XVI вв. (крест из дер. Лахмокурье в Вологодском музее,¹ крест из г. Романова Борисоглебска (Гутаева) в Ярославском музее,² крест в музее Ростова Великого).

Оба изображения на нашем памятнике, не будучи выдающимися в художественном отношении, исполнены тем не менее вполне технично, на хорошем профессиональном уровне. Полагающиеся на крестах надписи IC, XC, III, KA и другие также обычны. Крупные, заключенные в круглые обрамления, размещенные по концам перекрестия, они изобретательно использованы мастером в качестве приема декоративного оформления его произведения.

Главную особенность креста представляет надпись на нижнем расширенном его конце, двустрочная, вырезанная углубленными узкими буквами, с элементами вязи:

ΠΑΝΔΟΚΡΑΤΩΡ
ΛΑΜΑΝΙΟ ΠΑΙΤΟΠΟΝΙΩ

Она была объектом внимания всех описателей креста.

Макарий, автор известного описания новгородских древностей в середине XIX в., дважды касался Молотковского креста: в общем обзоре памятников Новгорода и в специальной работе о новгородских крестах.³ Надпись на кресте, интригующая своею непонятностью, привлекала его особое внимание. Далеким от мысли видеть в ней криптографию, Макарий читал буквально ее слова, складывающиеся как будто по фразе: ПАНДОКРАТОР ЛАМАНΙΟ ΠΑΙΤΟΠΟΝΙΩ, пробуя понять ее маловразумительный смысл из предполагаемых им греческих корней слов и объясняя ошибку неспособностью мастера-грека «правильно выразить свой природный язык на славянском наречии». А что касается личности мастера, то он предполагал в нем знаменитого Феофана Грока, расписывавшего в Новгороде в 1378 г. церковь Спаса на Ильине, на основании совпадения этой даты с датой постройки церкви Спаса на Красном поле, где первоначально находился этот крест.

¹ И н к о л о в а Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—перв. четв. XVI в.— САН, Е1-49. М., 1971, с. 88, № 89, табл. 58.

² Там же, с. 95, № 103; Русское декоративное искусство, I. М., 1962, с. 118.

³ М а к а р и й. 1) Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I. М., 1860, с. 339—341; 2) Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение.— Изв. Археол. об-ва, т. II, вып. 1. СПб., 1861, с. 94—95.

Другой описатель новгородских древностей вовсе остановился перед непонятностью надписи: «Надпись отчасти греческая славянскими литерами, отчасти же русская, совершенно непонятна».⁴

Спустя несколько десятилетий Молотковский крест вместе с другими привлек внимание А. А. Спицына и П. А. Шляпкина, почти одновременно опубликовавших специальные работы о древнерусских крестах в начале XX в.⁵ Первый из них тоже еще не понимал надписи правильно и ограничился в отношении нее кратким указанием: «Греческая надпись на кресте не разобрана». Но в отношении датировки памятника, отсылая читателей к предположению Макария о том, что крест мог быть исполнен Феофаном Греком, он высказал собственное мнение, что крест, как ему представляется, «позднее этого времени», не уточняя последнего. Второй из названных ученых также не приводит надписи в расшифрованном виде, но, называя крест «Серапионовым», позволяет думать, что тайнопись креста уже была ему известна. Позднее и в другом месте, в лекциях, читанных им в Новгороде на XV Всероссийском археологическом съезде, он сообщил о том, что надпись Молотковского креста была разобрана студентом Смирновым на основе приложения к ней одной из систем древнерусской тайнописи, которую автор называл «премудрой литореей».⁶

После того Молотковский крест с полным основанием стал в литературе называться Серапионовым.⁷ Исключение составляет библиографический указатель А. С. Орлова, в котором снова приводится непонятная «греческая» надпись без упоминания о ее расшифровке и прочтении.⁸

Расшифровке непонятной надписи, долго притравливаемой исследователей, послужило применение к ней одной из распространенных систем древнерусской тайнописи — простой литорее. Она состояла в том, что в шифруемом тексте гласные буквы оставались те же, а согласные заменялись другими по определенной системе соответствия. Для этого все 20 согласных букв азбуки распределялись в два ряда: в первом — от Б до Н, в порядке их следования слева направо; во втором — от П до Ц, но в обратном порядке — справа налево:

⁴ Толстой М. Святые и древности Великого Новгорода. 1862, с. 124.

⁵ [Спицын] А. А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. — Зап. Отд. русской и славянской археологии Русск. археол. об-ва, т. V, вып. 1. СПб., 1903, с. 216, рис. 301; Шляпкин П. А. Древние русские кресты. СПб., 1906, с. 19 и 35, рис. 301.

⁶ Шляпкин П. А. Конспекты лекции по истории и древностям Великого Новгорода. Новгород, 1910, с. 17.

⁷ Мурьяев М. В. Новгород Великий. Исторический очерк и путеводитель. Л. [1927], с. 30; Матюшкин Г. И. Крест мастера Серапиона. — Сов. археология, 1970, № 3.

⁸ Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, с. 107, № 159.

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
т	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	и

Вырезанная с помощью этой системы тайнописи непонятная надпись Молотковского креста — ПАНДОКРАТОР ЛАМАНО-ПАТОПОНИИ — читается так: панократор[а] Сарацин[а] наиконпис[ал], т. е. содержит имя мастера, исполнившего крест. Замена одних согласных букв другими создала непонятные слова, напоминающие греческие.

Ставшая понятной, надпись, может быть, требует комментария в отношении употребленного в ней термина «наиконписал», тогда как предмет и изображения на нем вырезаны из камня. Термин, очевидно, надо понимать в смысле «изобразил». На широко известном новгородском каменном кресте Алексеевском Софийского собора также сказано: «писаи бысть крест сий», хотя он тоже высечен. Вряд ли выражение надписи объясняется тем, что скульптура креста носит следы раскраски: надпись, несомненно, относится не к раскраске, а к скульптурному изображению. Можно добавить, что и на деревянном Людогощинском кресте, о котором речь далее, в надписи испрашивается милость «мне написавшему», хотя и он вырезан.

К сожалению, в надписи Молотковского креста, сообщившей и донесшей до нас имя его мастера, нет сведений об обстоятельствах и дате его сооружения. Касавшись последнего вопроса авторы определяли его дату так: Макарий — XIV в., около 1378 г., даты постройки церкви Спаса на Красном поле; А. А. Спицын заметил: «Нам представляется, что он позднее этого времени», например XV в.; А. С. Орлов в указанном библиографическом труде снова датирует его «XIV в. (конец)».

Как можно судить на основании значительно расширившегося теперь круга известных русских, в частности новгородских, памятников, мнение А. А. Спицына ближе к истине. К XIV в. не позволяют отнести Молотковский крест ни его общая форма, ни пахотая там аналогий себе, ни палеография его надписей, ни изобразительная часть — изображения Нерукотворного Спаса и Голгофского креста. Последнее в особенности: пользовавшееся большим распространением в Новгороде именно в XV в., оно органически включается в многочисленные изображения на такой точно датируемой категории новгородских памятников, как вислые свинцовые печати.⁸

Людогощинский крест. Этот памятник известен более, чем предыдущий, лучше сказать, знаменит. Он гораздо шире, чем тот.

⁸ Я и я В. Л. Актонье печати Древней Руси X—XV вв., т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970, табл. 13—17, рис. 512—520.

издавна вошел в литературу о русских древностях,¹⁰ а его большое значение как производящего искусства обусловило ему прочное место в специально искусствоведческой литературе и истории древнерусского искусства.¹¹

Название «Людогощинский» крест получал от древней Людгощей (позднее Легощей) улицы Новгорода, с которой он связан с момента сооружения: по свидетельству надписи, в 1359 г. он поставлен «людгощичами», т. е. жителями Людгощей улицы. Где он первоначально стоял, неизвестно. Последние столетия он находился в церкви Флора и Лавра на этой улице. Каменная церковь Флора и Лавра была построена в 1379 г., т. е. спустя 20 лет после сооружения креста, но до нее там же существовала одноименная деревянная церковь. Скорее всего, именно в ней первоначально и находился этот крест: имеющееся на кресте изображение св. Флора и Лавра делает это предположение наиболее вероятным.

Людогощинский крест деревянный (сосна), больших размеров: высота 2.3 м, ширина 1.87 м. Своей формой он напоминает известные новгородские каменные кресты — четырехконечные, с расширяющимися и соединяющимися концами, как бы включенные в круг. Но он гораздо сложнее и декоративнее тех. Форму креста здесь также образуют четыре больших круглых выреза. Но концы

¹⁰ Макарий. 1) Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. . . , ч. II. М., 1860, с. 129—130; 2) Древние кресты в Новгороде. . . , с. 90—91; Дякин Л. Историческое исследование памятников русского зодчества. — Зодчий, 1872, № 8—9, с. 132; Срезневский П. П. 1) Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863, с. 101—102 (2-е изд. СПб., 1882, с. 216). Приложение к 1-му изд. Альбом снимков. СПб., 1866, № 41; 2) Славяно-русская палеография. СПб., 1885, с. 258—259; [Спицын] А. А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских, с. 216; Шликин Н. А. Древние русские кресты, с. 12, 24, 36; Михайлов М. Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913, с. 43—45; Бобринский А. Народные русские деревянные изделия. М., 1914, илл. XII, табл. 93; Муравьев М. В. Новгород Великий, с. 11—12; Строков А. и Богусевич В. Новгород Великий. Новгород, 1939, с. 112; Орлов А. С. Библиография русских надписей. . . , с. 90—91, № 128; Рыбаков Б. А. 1) Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 676; 2) Русские датированные надписи XI—XIV вв. — САИ, Е1-44. М., 1964, с. 43, № 51.

¹¹ Толстой И. и Кондаков П. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб., 1899, с. 167—168; Некрасов А. П. Очерки декоративного искусства Древней Руси. М., 1924, с. 45; Шмурин Ю. Великий Новгород. М., 1914, с. 37; Агратов М. — Вгиппов N. Geschichte der altrussische Kunst. Augsburg, 1932, S. 281—282; Соболев Н. Русская народная резьба по дереву. М.—Л., 1934, с. 138; Некрасов А. П. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, с. 208; Лаварев В. Н. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, с. 98; История русского искусства, т. II. М., 1954, с. 230—231; Алатов М. В. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, с. 132; Русское декоративное искусство, т. I, с. 118—120, рис. 67, 68; Лаварев В. Н. и Мелья П. Е. Памятник Новгородской деревянной резьбы XIV века. (Людогощинский крест). — КСИИ АН СССР, 1954, вып. 4—5, с. 145—165; Бочаров Г. П. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, с. 95—96.

креста по наружному контуру дополнены выступами и ответвлениями в виде завитков, а внутренне прорези — маленькими крестиками, что в целом придает ему замысловатую форму, напоминающую гигантскую розетку с вырезным контуром, утверждающую на прямом массивном стволе. Общее впечатление декоративности усиливает сплошная украшенность лицевой стороны креста орнаментальной и лицевой резьбой.

На поверхности креста в 18 круглых обрамлениях размещены едипольные и сюжетные изображения, среди них «Распятие», «Денсус», архангелы, особо почитаемые в Новгороде Георгий, Илья, Козьма и Дамьян, Флор и Лавр, столпики и выбранные, видимо, по специальному замыслу Герасим со львом в пустыни, Самсон, раздирающий пасть льва, воины Феодор Стратилат и Феодор Тирон, спасающий мать. Подбор изображений дает исследователям основание высказывать догадки о конкретных событиях, послуживших поводом к устройству креста.¹² Все пространство между круглыми медальонами с лицевыми изображениями заполнено орнаментом из растительных побегов и завитков, среди которых в одном месте вкомпонована фигура фантастического барса. В целом Людогощинский крест представляет собою один из лучших, типичнейших образцов искусства древнего Новгорода сугубо народного крыла, с его чистым реализмом, непосредственностью и лаконизмом.

Как и Молотковский, Людогощинский крест имеет надпись. Вырезанная на круглом стволе — стояке креста, она более пространна, чем на том, содержит указание на точное время сооружения памятника. Приводим ее с освобождением от титл и сокращений: «В ЛѢ[ТО] 6867 [=1359] ІНДІКТА 12 ПОСТАВЛЕНЪ БЫ[СТЬ] КРЕСТЪ СІЙ. ГОСПОДИ ІІСУСЕ ХРИСТЕ ПОМІЛУЙ ВСЯ ХРИСТЯНЫ НА ВСЯКОМЪ МѢСТѢ МОЛЯЩАЯСЯ ТОБѢ ВЪРОЮ ЧИСТЫМЪ СЕРДЦЕМЪ И РАБОМЪ БОЖИИМЪ ПОМОЗИ ПОСТАВИВШИМЪ КРЕСТЪ СІИИ ЛЮДГОЩІЧАМЪ И МНѢ НАПИСАВШЕМУ ФУІМІАА-ССРРІКССТСГВВВМІРРМЛААСС».

Как явствует из надписи, крест был поставлен в 1359 г. «людгощичами», т. е. жителями Людогощей улицы.

Надателя и описателя креста всегда интриговали непонятные буквы, которыми оканчивается его надпись. Макарий, не называя их тайнописью, высказывал догадку, что они, вероятно, содержат имена мастера и принимавших участие в сооружении креста.¹³ Другие авторы видели в них начальные буквы молитвы-похвалы «честному кресту».¹⁴ Кстати, буквы разными авторами приводи-

¹² Лазарев В. П. и Мелев П. Е. Памятник Новгородской деревянной резьбы XIV века.

¹³ Макарий. 1) Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. . . , ч. II, с. 130; Древние кресты в Новгороде. . . , с. 80.

¹⁴ Покровский П. В. Евангелие в памятниках иконографии. СПб., 1892, с. 356; Сапьянов П. Описание старинных русских угварей. СПб., 1896, с. 66; Шляпкин Н. А. Древние русские кресты, с. 36.

лись по-разному. Последнее объясняется тем, что при поновлениях креста они были густо закрашены и отчасти замазаны, оттого плохо разобрались.

Во время оккупации Новгорода в годы Великой Отечественной войны Людогощницкий крест был вывезен оккупантами, но по окончании войны найден и возвращен. В Москве крест был подвергнут реставрации в Центральных научно-реставрационных мастерских.¹⁶ Снятие с надписи слоев краски и лака позволило правильно разобрать буквы. Зашифрованное в них содержание конца надписи в 1950 г. было прочтено Б. А. Рыбаковым.¹⁸ Это оказалась тайнопись, но более сложной системы, чем на Молотковском кресте, так называемая счетная, основанная на числовом значении букв.¹⁷ В славянском алфавите, как и в греческом, буквами обозначались единицы, десятки, сотни. В системе надписи использовано числовое значение букв, причем каждые две стоящие рядом буквы-цифры подлежат сложению, а получившаяся от сложения новая цифра должна быть заменена соответствующей ей буквой:

Ф 500 + 400	У 10 + 10	М 40 + 30	Л 1 + 1	С 200 + 200
900 Я	20 К	70 О	2 В	400 У

Р 100 + 100	Л 30 + 20	Н 200 + 200	С 300 + 200	Т 3 + 2	С 2 + 2	М 60 + 30	Л 100 + 100	Р 60 + 30	Л 1 + 1	С 200 + 200
200 С	50 П	400 У	500 Ф	5 Е	4 Д	70 О	200 С	70 О	2 Н	400 У

В целом, таким образом, обозначенные буквами цифры, сложенные вдвое и вновь переведенные на буквенное обозначение получившихся цифр, составляют слова, естественно завершающие фразу: «... помози поставившим крест сий людогощицам и мно написавшему ЯКОВУ СЫНУ ФЕДОСОВУ». И здесь снова оказалось зашифрованным тайнописью имя мастера, делавшего крест.

Хотя людогощницкая надпись ничего не сообщает об обстоятельствах, в связи с которыми был сооружен памятник, но она дает точную дату его сооружения — 1359 г. Эта дата позволяет делать некоторые заключения исторического порядка.

¹⁶ Выставка русской деревянной скульптуры и декоративной резьбы. Каталог. М., 1964, с. 23—24.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 43—44.

¹⁷ Черницын Л. Русская палеография. М., 1956, с. 265.

В Новгородской летописи под 1359 г. записано сообщение о большом «мятеже», охватившем обе стороны города, Торговую и Софийскую, при котором «не мала сеча бысть» славлян (жителей Торговой стороны) с зарпчанами (жителями Софийской стороны). Последние, бывшие без доспехов, первоначально потерпели поражение, но затем одолели и бояр многих «побили и полупили». «Мятеж», продолжавшийся три дня, очевидно, сопровождался жертвами с обеих сторон.¹⁸ Анализируя изображения Людогощинского креста, сюжеты которых, как видно, отобраны с определенным замыслом, новейшие исследователи этого памятника высказывают предположение о том, что в них можно найти ряд соответствия драматическим подробностям событий 1359 г.¹⁹ Оспываясь только на надпись на кресте, Б. А. Рыбаков остроумно указал на любопытную черту в ней, позволяющую связать людогощинский памятник с движением стригольников в Новгороде: надпись призывает милость Божию на всех христиан «на всяком месте молящая тебе верою и чистым сердцем» — формулировка, свойственная стригольнической доктрине.²⁰ Чем 1359 год мог быть важен для движения, может быть общины, стригольников в Новгороде? Это был год ухода от власти яркого гонителя стригольников архиепископа Моисея.

Нельзя не оценить по достоинству значение обоих эпиграфических памятников — молотковского и людогощинского — за сообщение в их тайнописных частях имен мастеров, делавших оба художественных произведения. Это крайне редкие и потому драгоценные сведения в области древнерусского искусства.

На первый взгляд может казаться странным, почему в надписях, по самой сути назначенных к обнародованию каких-то сведений, мастера укрывали свои имена. Но вспомним, что и в рукописях, где шире применялись способы тайнописи, существовал обычай чаще всего зашифровывать ими имена писцов и переписчиков. Следует вспомнить и то еще, что вся огромная область изобразительного искусства Древней Руси была безымянной. На иконах, создаваемых и ставимых на общее поклонение, нет имен их мастеров, живописцы как бы не считали достойным и уместным их отмечать. На памятных крестах надписи помещались чаще, но и здесь имена мастеров редки. В данных случаях они, хотя и скрыты непонятной читателям тайнописью, все же имеются, и значение этого факта нельзя недооценить.

Следует обратить внимание, помимо содержащейся в надписях специальной информации об именах мастеров, на их значение в общем культурно-историческом плане.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 365—366.

¹⁹ Лазарев В. И. и Мнев Н. Е. Памятник новгородской древлянской резьбы XIV века, с. 162—164.

²⁰ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 43.

Еще не столь давно общераспространенным было представление, что грамотность и письменность в Древней Руси были достоянием одних верхних слоев общества и духовенства. С успехами археологического и исторического изучения древнерусской культуры это представление быстро и решительно изживается. Поразительную картину грамотности широких масс народа раскрыли находки берестяных писем. Обе наши надписи дают новое, притом особенно убедительное, тому подтверждение. И людогоцкий, и молотковский мастера — резчики крестов — не только люди грамотные, более того, они владеют тонкостями письменного образования, свободно пользуются системами тайнописи.

Наконец, надо отметить и то новое, что дают эти надписи в отношении истории самого искусства тайнописи. Существовавшее на Руси с XII—XIII вв., оно, как известно, получило развитие главным образом в XVI и XVII вв., притом преимущественно в книжной и деловой, например дипломатической, письменности. Наши надписи являют примеры знания и применения разных его систем гораздо раньше: одна — в середине XV в., другая еще на столетие ранее — в середине XIV в., притом в необычной для него области вещевой эпиграфики, следовательно, не писцами или переписчиками профессионалами, а мастерами-прикладникам, в данном случае резчиками по камню и дереву. Факт представляется немаловажным для истории просвещения на Руси.

А. П. БОПАНЕВ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. С. ЛАППО-ДАШЛЕВСКОГО В ОСВЕЩЕНИИ С. И. ВАЛКА

Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Дашлевского изучена мало, а между тем именно в ходе его работ по изданию исторических источников выработывались теоретические основы и практические приемы научной археографии, усвоенные в значительной части советскими археографами.

Издание грамот Коллегии экономии, над подготовкой которого Лаппо-Дашлевский работал и как руководитель-организатор, и как теоретик почти два десятилетия, было важным фактом исторической науки. Глубокая разработка теоретических проблем (о принципах отбора документов при публикации и их систематизации, о приемах передачи текста, о соотношении текста и научно-справочного аппарата) и их практическое осуществление в уже подготовленных томах «Сборника грамот Коллегии эконо-